

© 2013 г. *О.А. Батурина*
УДК 81

О МИКРОПОЛЕ
«ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ, СЕРДЕЧНОЕ ЧУВСТВО»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б. ПАСТЕРНАКА)

Данная статья представляет собой фрагмент диссертационного исследования, важнейшим исходным принципом которого является принятое в когнитивной лингвистике *понимание концепта как мыслительной единицы, репрезентируемой средствами языковой системы, отражающей менталитет и культурный опыт народа* [1]. Для решения поставленных в работе задач особую значимость имеет понимание того, что концепт – «культурно отмеченный *вербализованный смысл*, представленный в плане выражения целым рядом языковых реализаций...» [2], при этом возможно отразить *содержание* концепта через *совокупность средств* языка, каждое из которых раскрывает только его часть [3]. Из всех существующих в науке точек зрения наиболее убедительной представляется понимание концепта как двусторонней единицы, которая имеет план содержания и план выражения, последний представлен в языке определенным набором репрезентантов [4].

Разумеется, очень существенна в составе концепта роль культурно-ментального слоя, но для нас наибольший интерес представляет аспект языковой репрезентации. Поэтому в данной работе принимается точка зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина [3], Ю.С. Степанова [5], *считающих средства номинации основным объектом лингвокогнитивного анализа*, а главной моделью, позволяющей адекватно описать структуру и содержание концепта, – *модель поля*.

Исходя из доказательств названных исследователей, возможно описание структуры концепта «Любовь» как элемента русской концептосферы, представляемой в виде поля, имеющего свое ядро и периферию. К ядру при этом обычно относят прототипичные слои содержания концепта с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью; первичные, наиболее яркие образы [3], каковым для концепта «Любовь» является чувство, именуемое лексемой

Любовь. Далее за ядром в нашем концепте, как и в других, следуют периферийные слои, более или менее отдаляющиеся от ядра и составляющие интерпретационную часть поля. Анализ языкового материала, который извлечен из поэтических и прозаических произведений Б.Л. Пастернака [6], показывает, что каждый новый слой является все более и более абстрактным и отстраненным от семантики ядра, но сохраняет при этом с ядром семантические и собственно языковые связи.

Периферия в данном концепте, как и обычно, состоит из «слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утвердившихся установок сознания, вытекающих из менталитета людей» [3]. Периферия концепта «Любовь» также включает личный и социальный опыт автора как носителя языка и как художника, включает и возникающие в процессе творчества ассоциации, и все это, естественно, включено в сферу интересов исследования. Четко очертить границу изучаемого нами концепта «Любовь» в современном русском языке невозможно, так как, во-первых, на периферии, как правило, происходит смешение реализаций каких-то смежных концептов, а, во-вторых, особый оттенок в семантику и структуру вносит специфика художественного текста. Для описания языковых средств, благодаря которым реализуется указанный концепт, для характеристики структуры и общих параметров его, как он представлен в поэтических текстах Б. Пастернака, необходимо прежде всего обратить внимание на средства репрезентации основных семантических параметров, на отношения и наполнения микрополей в составе концептуального макрополя.

Ядро концепта «Любовь», как отмечалось [7], представлено лексемой *Любовь* со всеми ее дериватами и семантическими вариантами. Благодаря наличию у лексемы *Любовь* значения: «*Эмоционально напряженное, сердечное чувство*» [8] возможно выделение одноименного, одного из важнейших микрополей, так как тексты Б. Пастернака свидетельствуют о включенности в его авторское понимание такой семантической составляющей. Судя по текстам произведений, поэт *сильным, объемным и сложным* представляет себе проявление любви как чувства, наполненного эмоциями, чувства *высокого накала*, страстного, одержимого, жертвенного, способного преобразить окружающую действительность, как чувства, по-разному присущего мужчине и женщине.

Учитывая вышесказанное и принимая за основу предлагаемую в статье [9] классификацию, согласно которой микрополе «*Эмоционально напряженное сердечное чувство*» включает в себя 4 варианта, 4 микрополя второго ранга, рассмотрим подробнее содержательные характеристики и языковые средства, с помощью которых выявляются признаки первого из микрополей второго ранга: «*Сила чувства*». Прежде всего, среди репрезентантов следует назвать ключевую лексему Любовь. При этом отметим, что ключевая лексема, ее дериваты и ближайшее окружение часто у Пастернака включены в контексты, где выступают в роли недифференцирующей характеристики других понятий, для которых сравнение (эксплицитное или имплицитное) с любовью наполнено смыслом.

Какие именно свойства любви имеются при этом в виду, – не ясно, да и нет необходимости в уточнении, например: «*В осанке твоей: «С кой стати?»*», *Любовь, а в губах у тебя* \ *Насмешиливое: «Оставьте...»* [10]. Здесь смысл образности – в сравнении *осанки* с любовью (*осанка напоминает* о любви, само же содержание понятия «любовь» представляется как нечто само собой разумеющееся).

Подобные отношения определяемого и определения в другой строфе: «*И было темно. И это был пруд* \ *И волны. – И птицы из пород люблю вас*, \ *Казалось, скорей умертвят, чем умрут* \ *Крикливые, черные, крепкие клювы* [10]. Частеречная и синтаксическая одновременно трансформация, которую наблюдаем (словосочетание, имеющее, по существу, роль неполного предложения, в данном контексте выступает в роли несогласованного определения) произведена с одной целью: представить птиц как обладающих *той силой верности и постоянства*, клятвенности, которые вкладываются в сочетание «*люблю вас*» в момент его произнесения.

В каких случаях в микрополе «*Сила чувства*» прибегает автор к ключевой лексеме?

Во-первых, в составе своего рода метатекста, когда с помощью данной лексики создается некая дефиниция: «*И в рифмах дышит та любовь*, \ *Что тут с трудом выносятся*, \ *Перед которой хмурят бровь* \ *И морщат переносицу*» [10].

Обратим внимание, какие понятия привлекаются здесь для характеристики *силы чувства*: это характеристика – отсылка к состоянию, которое *силой чувства* провоцируется: ведь «с *трудом выносятся*»; *выносить с трудом* – в данном случае равно «*не выносить*» [9], т.е. накал чувства гиперболически

представлен как *невыносимо сильный*. В этом же ракурсе передают *напряженность* чувства сочетания «*хмурить бровь*», «*морщить переносицу*»: названные проявления мимики, как правило, - *усилия*, которыми *сопровождается сильное чувство*, ср. комментарии словаря: « хмурить ... - В задумчивости, беспокойстве, гневе и т.п. морщить (лоб), сдвигать (брови)» [8].

Подобные иносказания для характеристики *силы любви* довольно часто использует поэт: «*Что, если бог сорвавшийся кистень, \ А былъ – изломанной души повязка, \ А ты, любовь, распарывая день, \ Ослабишь былъ и не услышишь хряска*» [10]. Сразу несколько элементов текста указывают здесь на *силу как качество* любви: *былъ* – это всего лишь изломанной души повязка, т.е. строка выделяет сразу *изломанность*, т.е. *слабость были*, не осененной *любовью*. *Повязка* - тоже включает сему слабости, это несерьезное, не радикальное лечебное средство (ср. в словаре: «повязка - ... бинт или другой материал, которым закрыто или завязано больное место...» [8]). И наконец, деепричастие *распарывая*, обратимся к словарю для подтверждения наличия у него семантического компонента, *противопоставляющего его силе*: « распороть – **с силой, глубоко** разрезать, разорвать...» [8]. Эту силу, как видим в тексте, способна проявить *любовь*.

Есть и *другой способ* использования ключевой лексемы – снабдить ее эпитетом. Следует отметить, что прямыми эпитетами при характеристике силы чувства поэт практически не пользуется, у него это определения, семантика которых, включая *сему силы*, часто представляет ее внутри какой-то *качественной составляющей*, например: *Мы первая любовь земли* [10]. Сема *силы* обеспечивается в данном случае возможностями семантики порядкового числительного: ведь *первый* имеет возможность передавать значение «... *превосходящий всех других себе подобных...*» [8], в сочетании с *любовь* - сравнение с чувством самым *ранним*, а потому *сильным* в своей чистоте и ранимости.

Особую роль могут играть несогласованные определения, указывающие на некое место любви в жизни человека, и то место, которое ей приписывается, становится неким косвенным аргументом, например: «*Когда случилось петь Дездемоне, - \ А жить так мало оставалось, - Не по любви, своей звезде, она - \ По иве, иве разрыдалась*» [10]. Определения при этом могут говорить о *силе любви* не только с позитивных, но и с негативных позиций:

Страны не знали в Петербурге \ И, злясь, как на сноху свекровь, Жалели сына в глупой бурке \ За чертову его любовь [10].

Иногда опорой выразительности при использовании ключевой лексемы становится сама немногословность и многозначительность контекста, в котором поэт обращается к ключевой лексеме: «*Увы, любовь! Да, это надо высказать! \ Чем заменить тебя? Жирами? Бромом?*» [10]. Насыщенность, сила называемого чувства обусловлены уже содержанием первого предложения (обратим внимание на роль междометия), что поддерживается восклицательным по цели высказывания синтаксисом, риторической вопросительностью соседнего предложения, коннотациями, возникающими у лексем *жиры*, *бром*: ведь эти слова призваны представить здесь хотя безусловно физиологически полезные (питание, успокоение), но не заменяющие, по мысли автора, для человека *любовь* как необходимую составляющую жизни.

Интересно, что поиски аналогии чувству любви, сам факт такого построения строфы, когда отрицаются предлагаемые аналогии, напоминает построение цветаевского стихотворения «Любовь», сравним: «*Ятаган? Огонь? \ Покромнее, - куда как громко! \ Боль, знакомая, как глазам - ладонь, / Как губам - \ Имя собственного ребенка*» [11].

Как часто подчеркивают исследователи, любовь мужчины к женщине или женщины к мужчине может обозначаться синонимами *страсть*, *привязанность* [12], автор статьи называет эти синонимы приблизительными, что согласуется с наблюдениями над текстом Пастернака. Наряду с ключевой лексемой семантический компонент «*сила чувства*» любви нередко представляется в анализируемых текстах лексемой *Страсть*. Вспомним, что Б.Л.Пастернак когда-то задекларировал свой интерес: «*О, если бы я только мог \ Хотя отчасти, \ Я написал бы восемь строк \ О свойствах страсти*» [10]. Как увидим, мог, и написал гораздо больше. Прежде всего, он употребляет лексему *страсть* в ее первом, основном значении: «*Сильное чувство, с трудом управляемое рассудком*» [8]: «*Приходилось, насупившись букой, \ Щebet женицин сносить словно бич, \ Чтоб впоследствии **страсть**, как науку, \ Обожанье, как подвиг, постичь*» [10].

Наполненность силой находит свое выражение благодаря параллелизму: *страсть – обожанье, наука – подвиг*. Между *страстью* и *обожанием* здесь то же различие, что между *наукой* и *подвигом*: первые члены параллели имеют свойство полностью поглощать, вбирать в себя целиком, тогда как *обожанье*, как и *подвиг*, подразумевают преданность и жертвенность.

Чаще всего в произведениях Пастернака лексема *страсть* представляет силу чувства, не сопровождаясь при этом согласованными определениями или сравнениями, но зато характерным является распространение за счет синтетических членов предложения, сочетающих признаки несогласованного определения и дополнения, или несогласованного определения и обстоятельства, например: «...*сильней на свете тяга прочь* \ *И манит страсть к разрывам*» («Объяснение») – *страсть* какая? и к чему?

Одиночные определения к слову *страсть* в текстах не часто, но встречаются: «*Люди – манекены, \ Но слепая страсть \ Тянется к Вселенной ощупью припасть*» [10].

Осмелимся предположить, что данный эпитет участвует в характеристике страсти как сильного чувства: так как соответствующее данному контексту значение прилагательного *слепой* – «...действующий не рассуждая, не отдающий себе отчета в своих действиях» [8], данный эпитет характеризует накал эмоциональности. Нечто похожее и в другом примере: *Напрягшись – различала снасть \ Муть звезд от мути океана, \ Такою же межюю страсть \ Вступает в хаос окаянныйый*» [10] – здесь подчеркнуты *активность*, сила *начального* периода (*вступает*), а в другом случае важнее оказывается характеристика такого качества, как *физическая мощь* и *решительность*, например: «...*И к вам постучавшись, входил я в танцкласс, \ Где страсть, словно балку, кидала мне под ноги \ Линолеум в клетку...*» [10]. Страсть, кидающая «словно балку» не может не казаться чем-то сильным, наделенным силой.

Отдельный интерес представляют те употребления лексемы *страсть* в рассматриваемом значении, когда мы имеем дело со случаями типа «роль короля играет свита», т.е. *страсть* включается в перечень других свойств, аргументов сильных и важных, и отсвет качеств элементов окружения окрашивает все, что оказывается рядом: «*Как гроза, в пути объемлет \ Жизнь и случай, смерть и страсть*» [10]. В подобной же текстовой ситуации встречаем и лексему *Любовь*: «*В горящий мозг вошли слова: любовь, несчастье, счастье, \ Судьба, событие, похождение, рок...*» [10]. В данном случае соседство с наименованиями таких явлений, как *жизнь, случай, смерть, судьба, похождение* усиливает в словах, употребленных с ними в одном перечислительном ряду, элемент фатальности, неподвластности расчету, логике.

Интересно отметить, что ситуации, когда не только однородная по каким-то показателям, но и разнородная лексика выстраивается Пастернаком в один ряд, тут важную роль играет «эффект нагнетания», широко распространенный в его текстах. И если приведенные выше случаи – примеры эффекта «семантического заражения» лексемы Любовь от однородных с ней членов предложения, то вот примеры и обратного воздействия: «*Любовь, горячка, караван\Вещей, переселенных на пол*» [10] – здесь присутствие любви, с одной стороны, оттеняет бытовизм перечисленных деталей, но одновременно показывает, *подчеркивает именно своей духовной инородностью* именно духовное смятение, которое за видимым бытовизмом стоит. Ср. другой подобный случай: «*Разметав отвороты рубашки,\Волосато, как торс у Бетховена,\накрывает ладонью, как шапки,/Сон и совесть, и ночь, и любовь оно*» [10]. На периферии описываемого микрополя второго ранга, т.е. снижая уровень концентрации характеристичности, находятся средства, представляющие *силу любви* через переносные значения лексем, с помощью морфологических и синтаксических средств. На морфологическом уровне в этой роли выступают грамматические формы различных частей речи, на синтаксическом – словосочетания и типы предложений.

Например, непременным периферийным компонентом данного микрополя выступает лексема *сердце* в значении «...орган как средоточие чувств, переживаний, настроений человека» [8]: *Бывает, курьером на борзom / Расскачется сердце, и точно\Отрывистость азбуки Морзе, \Черты твои в зеркале срочны* [10]. Здесь «скакание», «скачки сердца» - как вторичный признак силы чувства, к этому добавлены признаки отрывистости, нарушения ритма, что тоже *свидетельство взволнованности, неравнодушия*, следовательно – и силы чувства (вспомним просторечное выражение, определяющее любовь: «*он к ней неровно дышит*», *неравнодушен*).

В другом случае *сердце* как носитель любовного чувства сравнивается, с одной стороны, с *соколом*, а ведь это хищная птица, *символ силы и гордости* [8], и тут же – *смирение силы, и гордости*: «*Мне снилась осень в полусвете стекол,\Друзья и ты в их шутовской гурьбе,\ И, как с небес добывший крови сокол,\Спускалось сердце на руку к тебе*»[10].

Обобщая отраженные рассмотренными репрезентантами признаки, можно увидеть, что основные семантические составляющие русского концепта

«Любовь» в одном из его субвариантов, «Сила чувства», как он предстает в текстах Б.Пастернака, следующие: чувство высокого накала, возвышающееся над бытом, нередко ставящее человека перед выбором, позитивное в своей сути, но способное причинить боль, включающее элемент фатальности, неподвластное расчету и логике.

Полное и подробное описание структуры и семантического состава всех микрополей позволит выявить языковые показатели, репрезентирующие собственно авторский компонент, включенный как неперемнная составляющая в содержание русского концепта «Любовь».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ). М., 1996.
2. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // ФН – 2001. № 1.
3. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
4. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность: Антология. М., 1997.
5. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 2001.
6. *Пастернак Б. Л.* Собрание сочинений в 5 т. М., 1989-1992.
7. *Батурина О.А.* Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012.
8. Словарь русского языка. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М., 1984.
9. *Гехтляр С.Я.* Структура и содержание одного из микрополей концепта «Любовь» в русском языке // Проблемы взаимодействия славянских языков и культур в их истории и современном состоянии: материалы научной конференции. Брянск, 2011.
10. *Пастернак Б.Л.* Полное собрание сочинений: в 11 т. М., 2004.
11. *Цветаева Марина.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1980.

12. *Зализняк Анна А. Любовь и сочувствие // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. статей. М., 2005.*

REFERENCES

1. *Kubryakova E.C. Brief dictionary of cognitive terms. М., 1996.*
2. *Vorkachev S.G. Lingvocultorology, personality in language aspect, concept: formation and development of anthropocentric paradigm in language study science // FN – 2001, № 1.*
3. *Popova Z.D., Sternin I.A. Essays on cognitive linguistics. Voronezh, 2001.*
4. *Askoldov C.A. Concept and word // Russkaya slovesnost: Antology / compiled by V.N. Neroznyak. М., 1997.*
5. *Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian culture. Yu.S. Stepanov. М., 2001.*
6. *Pasternak B.L. Complete set of works in 5 volumes. М., 1989-1992.*
7. *Baturina O.A. Fylology sciences. On issues of theory and practice (registered as VAK publication). Tambov, 2012.*
8. *Dictionary of the Russian language in 4 volumes, edited by A.P. Evgenieva. М., 1984.*
9. *Gekhtlyar S.Ya. Structure and content of one of the microfields “Love” in the Russian language // Issues of relationship between slavic languages and cultures in historical background and nowadays: proceedings of the conference. Bryansk, 2011.*
10. *Pasternak B.L. Complete set of works in 11 volumes. М., 2004.*
11. *Tsvetaeva M. Complete set of works in two volumes. Volume 1. М., 1980.*
12. *Zaliznyak A.A. Love and sympathy // Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Schmelev A.D. Key ideas of the Russian language world picture. Book of papers. М., 2005.*